

**ТВОРЧЕСТВО СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО. К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ МНОГООБРАЗИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭПОХИ РУССКОГО БАРОККО 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ**

Следует прислушаться к суждению **Павла Флоренского**: «...выздоровление в XVII веке было только реставрацией, а по-русски починкой, и новую жизнь русские люди начали с барокко. Мы видим здесь наряду с церемониальными позами и нарочито прямыми архаизирующими, под XVI век, складками духовно непроницаемую мясистость лиц и фигур, натуралистическую неодухотворенность складок. Впрочем, эта реставрационная архаизация, как и всякая нарочитость, была быстро подорвана более откровенными стремлениями XVII века. Словно позабыв о придворно-церемониальной оцепенелости, фигуры начинают выплясывать, а складки закругляться, избегая все более и более, приходят в беспорядок и все откровеннее стремятся к «натуре», то есть к видимости чувственного. Это - «закисание Руси дрожжами нового времени» [3, с.93].

Своеобразную творческую реализацию и, возможно, видоизменение рассмотренных положений иллюстрирует художественная манера Симеона Полоцкого.

Анализ поэтики принципа отражения в творческом методе Симеона позволяет моделировать ситуацию ораторского общения и находить правильные литературные средства воздействия и убеждения в условиях усиливающейся западной ориентации в России XVII века.

Творческое наследие Симеона Полоцкого разнообразно. В настоящем исследовании предпринята попытка целостного анализа, в основном поэтических, текстов Полоцкого, позволяющих увидеть гармоничность натуры Симеона Полоцкого, проявляющуюся в аспектуальном единстве литературы, Церкви и Просвещения. Целесообразно также рассмотреть прозаические и драматургические произведения Симеона с точки зрения метода четырехаспектного толкования.

Использованная литература и источники

1. Былинин В.К. К проблеме поэтики славянского барокко. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Советское славяноведение. – 1982. – № 1. – С. 54 – 64.
2. Димитрий Ростовский. Алфавит духовный // Святой Димитрий Ростовский и его избранные творения. – СПб.: «Светослов», 1998. – 256 с. – С. 168 – 172.
3. Дунаев М.М. Своеобразие русской религиозной живописи. Очерки русской культуры XII – XX вв. – М.: «Филология», 1997. – 324 с.
4. Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Под ред. С.С. Аверинцева. - М.: Языки культуры, 1994. – 540 с.
5. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. – Л.: Наука, 1973. – 280 с.
6. Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII века). – М.: Наука, 1991. – 261 с.
7. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. – М. – Л.: АН СССР, 1953. – 282 с.
8. Тамарченко Н.Д. Жанр // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под редакцией А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 с. – С. 263 – 265.
9. Топоров В.Н. Умберто Эко «Остров накануне» // Симпозиум, 1999. – www.http://bookman.spb.ru

**Сеитбуллаев Э.Б.
ТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЗЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1920-Х ГОДОВ
НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Б. ЧОБАН-ЗАДЕ «АРМАНДА БИР ШАИР»**

20-е годы XX века являются наиболее интересными в истории крымскотатарской литературы. В эти годы происходят заметные перемены в тематике и жанрах крымскотатарской прозы. Эти перемены в основном связаны с влиянием на нее русской и западноевропейской литератур. Прежде всего, это социальные условия, в которых жило крымскотатарское общество в 1920-е годы. Период этих перемен можно назвать периодом перехода крымскотатарской прозы восточного типа литературы на новый западноевропейский тип литературы.

В самом начале этого перехода крымскотатарские писатели занимались в основном переводами русской прозы. В отличие от многочисленных поэтических произведений, в 1920-х годах их создано не так много. Однако их форма и содержание указывают на то, что писатели довольно успешно начинают писать «по-европейски». Развитие этого жанра мы наблюдаем в ее расширенной тематике, становлении жанра на путь реализма. В основном темы и проблемы, которые ставились в художественных произведениях, были: голод 1921-22 годов; первая мировая война; произведения, написанные под влиянием идеологии Советской власти; тема образования. Однако в силу известных причин этот период долгие годы не мог быть предметом изучения, научного осмысления.

Целью настоящей статьи является попытка освещения одной из проблем, которые ставились авторами в крымскотатарской прозе 20-х годов XX века. Нашей задачей в данном случае является раскрытие образа главного персонажа, который несет в себе идейно-тематическую направленность всего произведения. Мы предполагаем, что раскрыть образ главного героя нам поможет автобиография самого автора произведения.

Проблеме изучения крымскотатарской литературы 1920-х годов были посвящены работы: акад. А. Крымского «Литература крымских татар» (1930), проф. Б. Чобан-заде «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девири» («Крымскотатарская литература новейшего периода») (1928), д.ф.н, проф. И. А. Керимова «Теренлик» («Глубина») (1988), к.ф.н., доц. Ш.Э. Юнусова «Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX столе-

тия: традиционное мировоззрение и меняющийся мир» (2004) и др.

Известный украинский востоковед А.Е. Крымский в своей работе отразил творчество крымскотатарских писателей начиная со времен Золотой Орды до 1930 года. В своем историко-литературном очерке он значительное внимание уделяет поэзии нежелая прозе объясняя это тем, что «Больших романов совсем никто не пишет, но и маленьких новеллок или коротких рассказов тоже слишком мало» [5, с. 180].

Профессор Б. Чобан-заде в своей работе «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девиринъ» («Крымскотатарская литература новейшего периода»), дает поверхностную оценку этого периода. Он, так же как и А.Е. Крымский больше внимания уделяет поэзии. Что касается прозы 1920-х годов, то он тепло отозвался о творчестве А. Одабаша, А. Ильмия, Дж. Гъафара, У. Ипчи. Жизнь и творчество У. Ипчи в 80-е годы было изучено более подробно д.ф.н, проф. И.А. Керимовым в его книге «Теренлик» (1988). Автор книги всесторонне проанализировал весь творческий путь У. Ипчи, который в 1920-х годах особенно ярко проявил себя в таких жанрах как поэзия, драматургия и проза. В работе И.А. Керимова обращается внимание на ряд забытых произведений не только У. Ипчи, но и попутно упоминается о других авторах произведений тем самым, проясняя для читателя ситуацию сложившейся вокруг литературы того времени.

Отдельные вопросы этого периода освещены в кандидатской диссертации Ш.Э. Юнусовым. В своей работе автор хронологически подробно проанализировал поэзию 20-х годов XX века. Ш. Юнусов на примере произведений показал развитие литературы и влияние на творчество писателей политических, культурных, а так же социальных процессов происходящих в Крыму в 1920-е годы.

Данная статья является логическим дополнением тех исследований авторов, которых нами были указаны выше о крымскотатарской литературе 20-х годов XX века.

Из произведений 20-х годов XX века, ярко отражающих тему образования можно показать рассказ – Б. Чобан-заде «Арманда бир шаир» («Поэт на току»). Выбор именно этого произведения мотивируется тем, что, во-первых, он не был изучен с научной точки зрения подробно. Б. Чобан-заде в национальной литературе более известен как поэт чем прозаик, а его прозаические творения не получили должной оценки со стороны критики. Например, «Поэт на току» вообще не подвергался никакому анализу. Во-вторых, именно этот автор в те годы исполнял немаловажную роль в развитии образования не только в Крыму, но и в ряде других тюркских государств.

Впервые это произведение было опубликовано в его сборнике стихов и рассказов под названием «Къавал сеслери» («Голоса свирели») датированный 1919-1920-ми годами на арабской графике в рукописной форме. В этот сборник вошли только четыре его прозаических произведения («Он дёрт джашым-да», «Огъурлу джоллар», «Бир къач сучум», Арманда бир шаир»). [10, с. 93-119; 120-138; 155-159; 301-311], однако кроме этих произведений в последнее время стали известны еще два, они были обнаружены совсем недавно. Рассказ «Эртеджи Мурат» изданный в учебнике по языку А. Одабаша и У. Аджи-Асана во второй раз, транслитерировав на кириллице публикует в газете «Янъы дюнъя» («Новый мир») Ю. Кандымов в 1999 году [12, с. 4], а так же Н. Сеитяхья представил вниманию читателей еще одно произведение под названием «Нурай» изданное в журнале «Йылдыз» («Звезда») в 2003 году. Из журнала «Emel» («Сильное желание») были транслитерированы и опубликованы рассказы «Арманда бир шаир» («Поэт на току») и «Индемез Джелиль» («Молчаливый Джелиль») в журнале «Йылдыз» («Звезда») в 1998 году С. Кандымовой. Через год, т.е. в 1999 году эти же произведения транслитерированы на латинской графике и переведены на турецкий язык Исмаилом Отаром. Но работа И. Отара не ограничивается двумя рассказами Чобан-заде. Он, в Стамбуле издает полную версию рукописи «Голоса свирели», а так же те произведения, которые не вошли в рукописный сборник. [6]

Поскольку настоящая статья обращена своим вниманием только на одно произведение Б. Чобан-заде, то ниже мы сделаем попытку научного осмысления с помощью биографии автора рассказа.

Итак, поскольку рассказ Б. Чобан-заде «Поэт на току» был написан в 1920 году, то причина поставленной проблемы понятна. Проблема в сфере образования вызвана разрухой после Первой мировой и гражданской войн не только в Крыму, но и в других регионах Российской империи. В последствии эту ситуацию ухудшает и голод 1921-22 годов. Возможно, что среди читателей возникнет справедливый вопрос: «Почему эта тема была поднята Б. Чобан-заде?» Дело в том, что, несмотря на те сложности, которые он встречал на своем пути, сумел достичь до высшего уровня ученой степени – профессора, и всю свою жизнь посвящает преподавательской деятельности и служению науке. Сафтер Нагаев приводит список из 129-и его научных трудов начиная с 1915 по 1936 годы [7, с. 203-211]. Поскольку его жизнь полна интересными событиями в связи с его обучением, как в Крыму, так и за рубежом, вполне возможно, что материалом поставленным в основу произведения явилось его собственная жизнь. В частности Г.Н. Поспелов так же отмечает: «Прототипом героя нередко является сам автор, что наиболее характерно для автобиографических произведений» [2, с. 194].

В поисках автобиографии Бекира Чобан-заде мы нашли ряд источников, но некоторые из них противоречат друг другу, имеет место не соответствие дат и событий, которые вводят читателя в некоторое заблуждение. Например, Р. Фазыл, С. Нагаев в книге «Къырымтатар эдебияты тарихы» («История крымскотатарской литературы») пишут, что «До 13 лет он работал у дворян и бозачей помощником пастуха. Потом, несмотря на то, что было уже поздно, пошел учиться в первый класс. Но благодаря своим способностям и упорству за один год усваивает всю программу начальной школы и вместе с другими ребятами готовится сдавать экзамены. На экзаменах Бекир показывает себя блестяще и полными, исчерпывающими ответами привел в изумление учителей...» и в «1909 году Чобан-заде с помощью мэра города Карасувбазар (Белогорск) и своего учителя Решида Медиева на средства «Джемиев-и хайрие» направляется учиться в медресе «Султание» в Стамбул» [8, с. 287]. То есть в Стамбул Чобан-заде едет в 16 лет. Будет считаться ошибкой, если мы упустим из виду документ, который представил нашему вниманию д.и.н.,

проф. Д.П. Урсу в своей статье в газете «Голос Крыма». В комментарии пишется:

1. «Документ не датирован. Судя по тексту, составлен не ранее 16 марта 1935 г.
2. Машинописная копия, бывшая в моём распоряжении, имеет нумерацию страниц 10-13. Из этого следует, что автобиография извлечена из более обширного досье, по всей видимости, хранившееся в архиве Института языка и литературы АН Азербайджана. Очевидно, это личное дело учёного.
3. Орфография сохранена. Большинство аббревиатур расшифровано» [1, с. 5].

И так, Б. Чобан-заде пишет: «Я родился в 1893 году, 15 мая в городе Карасувбазаре бывшей Таврической губернии. Отец был пастухом – батраком. В 8-летнем возрасте начал посещать приходскую школу и через три года, то есть в 1904 году поступил в «Ново-методную» прогимназию «Рушдие», которую окончил в 1908 году. Затем был отправлен Мусульманским благотворительным обществом в Константинополь для продолжения учёбы...» [1, с. 5]. Особое внимание и большой интерес представляет собой книга д.ф.н., проф. И.А. Керимова «Медений эснас 1920-1938 сс.» («Поступь культуры. По материалам крымскотатарской периодической печати 1920-1938 гг.»), статья в газете «Енъи дюнья» («Новый мир») за 1929 год 28 декабря, где Б. Чобан-заде пишет о себе «Я сын пастуха, сам же до 15 лет был пастухом...» [4, с. 212] т.е. до 1908 года Чобан-заде подрабатывал пастухом, а чем он занимался после 1908 года? Тут напрашивается ответ из автобиографии: «Затем был отправлен Мусульманским благотворительным обществом в Константинополь для продолжения учёбы...» [1, с. 5].

Из вышеприведённых нами примеров, а так же ссылаясь на оригиналы документов, приведённые Д.П. Урсу и И.А. Керимовым, данные которых совпадают по датам и событиям, что мы не можем сказать о данных которые представили нам С. Нагаев и Р. Фазыл в книге «Къырымтатар эдебияты тарихы». И так, делая из этого выводы мы можем сказать о том, что Чобан-заде выехал в Стамбул в 1908 году, т.е. когда ему было 15 лет. Выводы сделанные выше необходимы для верного понимания произведения, раскрытия образа центрального персонажа. В рассказе автор не даёт портретного описания персонажа. Он для нас открывается не только в процессе взаимоотношения с второстепенными героями, но и со слов самого рассказчика. С первых строк этого произведения четко и ясно вырисовывается такая картина, когда автор главного героя «отправляет» на учебу в Стамбул. Доказательством вышесказанного, можно представить такие строки как, например: «Отъкен джылларнынъ бирсинде Аблязиз сокъта окъумакъюн Истамбулга баргъан эди» [9, с. 36] (В одном из прошлых лет Аблязиз сокъта чтобы получить образование поехал в Стамбул)¹. В одном предложении автор даёт нам краткую биографию акцентируя внимания на его образовании. По содержанию произведения мы наблюдаем интересный факт, а именно сходства с жизнью автора и центрального персонажа рассказа. Однако, читая эти строки мы задаемся таким вопросом: «Почему именно в Стамбул, а не в другой город?». Опять таки обращаясь к биографии Б. Чобан-заде мы знаем, что он учился не в русскоязычной школе, а как пишется в автобиографии «в 1904 году поступил в «Ново-методную» прогимназию «Рушдие»...» [1, с. 5]. Что бы понять причину продолжения учёбы Б. Чобан-заде именно в Стамбуле нужно разобраться, что же с собой представляет «прогимназия Рушдие». «Новометодные неполные средние школы рушдие или, по русской терминологии того времени, высшие начальные школы возникли по инициативе Исмаила Гаспринского и других передовых педагогов. Первая из них была открыта в Бахчисарае в сентябре 1905 году при материальной поддержке местного мусульманского благотворительного общества. Вскоре они появились и в других городах Крыма, в том числе Карасувбазаре» [1, с. 5] пишет Д.П. Урсу. И так обучение велось на крымскотатарском языке, а русского языка на то время Б. Чобан-заде не знал и поэтому для продолжения обучения «был отправлен» в Стамбул. И так ближайшим учебным заведением был Стамбул. Однако судьба главного героя рассказа распорядилась так, что он вынужден был зарабатывать деньги для того, что бы просуществовать и что-то заработать. В поисках работы он отправился в ближайшее село, где требовались рабочие руки. Из содержания рассказа мы видим, что события происходят в селе. Автор с точностью описывает и освещает проблемы, с которыми сталкиваются сельчане, с их образом жизни, психологией, мыслями, поведением. Опять таки обращаясь к книге «Медений эснас 1920-1938 сс.» мы нашли такие строки, когда Б. Чобан-заде в газете «Енъи дюнья» за 28 декабря 1929 года, где он пишет: «Я своими глазами видел процесс поднятия сельского хозяйства» [4, с. 214] т.е. автор не случайно реальную действительность помещает в село. По содержанию произведения мы можем судить о действительно не легком положении образования в Крыму на то время. Автор на примере одного учащегося, хочет показать читателю судьбу многих таких же, как и Аблязиз, которые остались с глазу на глаз с суровой действительностью. Ссылаясь на вышеуказанное, мы уже знаем что события в произведении происходят именно в Крыму, но учитывая тот факт, что рассказ был написан не в Крыму, а в Будапеште и более того Бекир Чобан-заде на то время получал образование в разных странах и в Крыму его не было уже порядком шести лет. Рассказ был написан 1920 году, 2 февраля в Будапеште, а в Крым Б. Чобан-заде приехал в конце 1920 года, будучи уже профессором. У читателя может возникнуть вопрос: «Каким образом или на каком основании автор произведения мог почувствовать такое положение в Крыму?». Однако при подробном изучении биографии Б. Чобан-заде мы обращаем наше внимание на его детство, когда автор до 15 лет сам работал нанимаясь пастухом у состоятельных людей. В рассказе «Арманда бир шаир» мы наблюдаем почти такой же ход событий как и в его личной жизни, но различие с жизнью автора лишь в том, что его герой сначала учится в медресе, а потом судьба вынуждает его работать. Но на этом сходства жизни автора и его героя произведения не заканчиваются. Далее мы узнаем об

¹ сокъта – ученик, студент

² здесь и далее перевод дан смысловой

одном из качеств главного героя, а именно способности слагать стихи. Это качество автор показывает неоднократно. Герой рассказа после тяжелой работы ночью не может уснуть, размышляя на разные темы жизни. Из текста мы читаем такие строки: «Даже если все вокруг ложились спать, то Аблязиз заснуть не мог. В этом селе приходилось делать всё то, что делают все, однако для того, чтобы хоть чем-то отличиться от них он ночью старался не спать.» [9, с. 38]. Лежа ночью размышляет, его размышления пробуждают в нем тягу к чтению, к познанию. В одну из таких из бессонных ночей его осеняет мысль, в виде стихотворной строфы:

«Сен бу сырнынъ аслыны билем десенъ
Башта чыкяр гунахынъ конъюнден...» [9, с. 38]

«Если ты хочешь узнать истину об этой тайне.
Сначала смой из своей души грехи...»

Здесь тоже можно наблюдать сходство с жизнью автора. Б. Чобан-заде начал писать свои стихотворения и рассказы, по данным С. Нагаева и Р. Фазыла учась в медресе «Султание» Стамбул, что совпадает с возрастом главного героя рассказа. Автору и герою произведения примерно по 20 лет.

Бекир Чобан-заде, формируя рассказ по своему сценарию в лице Аблязиза делает человека, которому можно позавидовать, несмотря на его тяжелую судьбу. Автор делает главного героя человеком для подражания и акцентирует это на его образованности, хорошей эрудированности, человечности, однако и не критикует тех людей, на которых Аблязиз работает. В следующих словах из текста мы видим: «Джеппар Челеби, Аблязизнинъ «Истамбул сокътасы» болгъаныны биле эди. Киссесинден бир «Терджиман» чыгъарып: «Окъу, къарайыкъ не яза экен!», деп Аблязизге берди. Зибиде абай ичлеринде эди. Аблязиз газетни сувдай агъып окъуды, сонъ айрыджа да Авропанынъ, еди дювельнинъ ишлеринден къабер берди... «Апперим, апперим яхшы окъудынъ!» – деди.

Джеппар Челеби, сонъудан, корьме челебилердий болур болмаз шийге «апперим» демез эди. Аблязизнинъ бир-бири аргындан «апперимлер» къазанмасына бутюн ыргъатларнынъ коксю къабарды» [9, с. 40] («Джеппар Челеби зная, что Аблязиз был сохтой из Стамбула, вытащив из кармана «Терджиман»:

– Читай, послушаем что же там пишут! – сказав, передал газету Аблязизу. Возле них находилась и Зибиде абай. Прочитав всю газету с большой легкостью, Аблязиз отдельно пересказал о новостях Европы... Молодец, молодец хорошо прочитал!» – похвалил его.

Джеппар Челеби вообще-то словом «молодец» не разбрасывался. То, что он со всех сторон посыпал Аблязиза похвалами для остальных это было поводом немного себя превознести». С этих строк мы видим, что безграмотными были не только рабочие, с которыми он наравне работал, но и сам хозяин Джеппар Челеби, который был просто шокирован. Бекир Чобан-заде в этом фрагменте показывает в какой-то степени процент безграмотности народа, и на тягу его к знаниям, на примере даже вот этой маленькой горстки людей, независимо от материального их достатка. А так же читая этот отрывок, невольно бросается нам в глаза сама газета «Терджиман» («Переводчик») о содержании, которой Джеппар Челеби ведет горячий монолог. Мы думаем, что Б. Чобан-заде название этой газеты как «Терджиман» выбрал не случайно, так как кроме «Терджимана» были и ряд других крымскотатарских газет которые выходили до того как художественное произведение вышло в свет. Как известно «Терджиман» – была первой крымскотатарской газетой, которая стала выходить на общетюркском и русском языках с 10 апреля 1883 года редактором и издателем с самого начала был выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист Исмаил Гаспринский. Говоря о «Терджимане» в художественном произведении и зная о том, что рассказ был написан в 1920 году нужно отметить, что события, происходящие в рассказе относились не к тому году, в котором это произведение вышло, а немного раньше. Мы знаем, что газета «Терджиман» прекратила своё существование 1917 году, спустя три года после смерти И. Гаспринского, который умер 11 сентября 1914 году. В этом же году из Стамбула приезжает Чобан-заде, на то время ему уже исполнилось 21 год. Д.П. Урсу пишет: «В 1914 г. после сараевского убийства и вступления Европы в июльский дипломатический кризис, чреватый мировой войной, русское правительство потребовало возвращения всех студентов иностранных университетов. Вернулся и Чобан-заде, вскоре после чего уехал в Одессу изучать русский язык» [1, с. 5]. Из рассказа «Арманда бир шаир» мы читаем такие строки: «Аблязиз энди: «Мына сагъа!» деген сокъталарымызынынъ кобисидий джигирмини кечкен болса да...» [9, с. 36] («Аблязиз был одним из тех студентов, которым перевалило за двадцать...»). Б. Чобан-заде как мы уже упомянули, по возвращению из Стамбула уже было «более двадцати лет», если быть точнее 21 год. И так ссылаясь на вышеуказанное, мы можем определить с точностью до года в каком году происходили события в рассказе. Если из многочисленных примеров мы увидели сходство биографии автора и главного героя рассказа, то мы думаем, что с нашей стороны не будет считаться ошибкой, если, ссылаясь на факт приезда Чобан-заде и его главного героя в Крым, что по совпадениям даже возрастных критерий (21 год) можно предположить, что события в рассказе происходили в 1914 году. Ещё один факт может подтвердить наши выводы из текста, когда он посредством персонажа Джеппара Челеби характеризует свою работницу: «Зибиде, сен салдат болгъан болсанъ уруш, японнынъ олюсин айдар эдинъ» [9, с. 37] («Зибиде, если ты была бы солдатом, японцу пришел бы конец»).

В качестве вывода необходимо указать, что в данной статье мы лишь ограничились кратким обзором вышеупомянутого рассказа Б. Чобан-заде «Арманда бир шаир». Мы лишь коснулись проблемы быта простой крымскотатарской глубинки того периода. Этот и другие рассказы Б. Чобан-заде, могут послужить лингвистическим материалом для ученых-фольклористов, лингвистов, а также для студентов филологических факультетов.

Источники и литература

1. Урсу Д.П. Годы ученичества Бекира Чобан-заде [Автобиография профессора Чобан-заде] // Голос Крыма. – 2002. 11 мая.
2. Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов/ Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; Под ред. Г.Н. Поспелова. – 3-е изд., исп., и доп. – М.: Высш. шк., 1988. – 528 с.
3. Керим И. А.-о. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында кырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. – Симферополь: Кырымдевокъувпеднешр., 1998. – 184 с.
4. Керим И. А.-о. Медений эснас: 1920-1938сс. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496с.
5. Крымский А. Е. Литература крымских татар. – Симферополь: Доля, 2003. – С. 196.
6. Kıymılı Türk şair ve bilgini Bekir Sıdkı Çoban-zade. – İstanbul, 1999. – 288 s.
7. Нагаев С. Ылнамелердеки излер: Кырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар. – Т.: Гь. Гулам адына нешрият – матбаа бирлешмеси, 1991. – 304 с.
8. Фазылов Р., Нагаев С. Кырымтатар эдебияты тарихы. Кысыкъа бир назар. – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияти, 2001. – 640 с.
9. Чобан-заде Б. Арманда бир шаир. («Поэт на току»): икяе (рассказ) // Ыылдыз. – 1998. - №7. С. 36-47
10. Чобан-заде Б. Къавал сеслери: шиирлер, икяелер, макъалелер. Будапешт., 1919-1920 с.
11. Чобан-заде Б. Кырымтатар эдебиятынынъ сонъ девире. // Ыылдыз. – 1993. № 1. С. 3-44
12. Чобан-заде. Эртеджи Мурат [Арап уруфатындан Ю. Къандым язып алды]. // Янъы дюнъя. – 1999. 3 апреля.

Шум О.Ю.**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО М. ГОРЬКОГО:
ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПОСЛЕДНЕГО ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЯ**

Постановка проблемы. Роль М. Горького в литературе XX века трудно переоценить. Какие бы вопросы ни поднимали исследователи литературы: о характере реализма на рубеже веков и путях развития советской литературы, о борьбе отдельных литературных течений, об индивидуальных судьбах писателей - все в той или иной мере были связаны с именем Горького.

Критическая литература о творчестве Горького до Октября 1917 года огромна. Первые же произведения молодого писателя привлекли внимание читателей и вызвали активную полемику в прессе. Можно вспомнить имена таких критиков – современников писателя, как Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, Д. С. Мережковский, В. В. Воровский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. В. Луначарский, В. Львов - Рогачевский и др. Но в дооктябрьской критике прежде всего отражен непосредственный отклик современников, а не научное изучение общественно-литературной деятельности писателя.

Становление советского горьковедения как одного из направлений литературной науки произошло в 30-е годы. Постепенно обозначился круг ведущих литературоведов (С. Д. Балухатый, Б. А. Бялик, И. А. Груздев, В. А. Десницкий, С. В. Касторский, К. Д. Муратова, Н. К. Пиксанов, Ю. Юзовский). В 50-х – 80-х годах кадры литературоведов, изучающих жизнь и творчество М. Горького, значительно пополнились (В. С. Барахов, Б. И. Бурсов, А. А. Волков, Н. К. Кузьмичев, Б. В. Михайловский, А. С. Мясников, А. И. Овчаренко, В. К. Панков, Л. А. Спиридонова, Е. Б. Тагер и др.). Изучение горьковского наследия приняло широкий размах. В это изучение все активнее стали включаться университеты и педагогические институты.

Можно сказать, что в отечественной критике и литературоведении XX века был накоплен величайший по значимости, содержанию и объему литературный и историко-биографический материал, касающийся самых разнообразных аспектов горьковского творчества. Литературоведы и критики широко изучали прозаические произведения Горького, его драматургию, критические и публицистические статьи. Однако изучение это нередко носило односторонний характер.

Многие исследователи советского периода в качестве идейно-эстетической доминанты в произведениях Горького выделяли острый социальный конфликт и политическую тенденциозность. В трудах таких литературоведов писатель выступал главным образом как социолог, а его произведения нередко рассматривались как «художественное воплощение отдельных положений ленинских статей» [1].

Несмотря на то, что с годами утверждался поверхностный, односторонний взгляд на проблемы творчества Горького, серьезные ученые-горьковеды всегда сознавали: «Мы крайне плохо и односторонне знаем Горького» [2]. Советские ученые сами отмечали основные недостатки – «схематизм, социологизм, чрезмерное увлечение общими формулировками» [3], которые мешали реальному знанию о сложном творческом пути писателя, о действительном месте его литературного наследия в отечественной духовной культуре.

Серьезные препятствия для всестороннего освоения творческого наследия Горького создавала также научная неразработанность источниковедческой базы. Вне поля зрения большинства горьковедов находились образы послеоктябрьской публицистики писателя (речь идет о сборнике «Несвоевременные мысли» - книги, оставшейся более семи десятилетий недоступной для советских читателей и исследователей); эпистолярное наследие Горького публиковалось в извлечениях и далеко не полностью, его фотографии пострадали от красного карандаша цензора, его взаимоотношения с современниками были искажены.

О необходимости «обнародования всего наследия Горького, кропотливого восстановления недостающих звеньев его творчества» говорилось на торжественном заседании, посвященном 120-летию со дня рождения писателя. Литературоведы подчеркивали, что требуется выработать «новый открытый взгляд на